

Религия и Церковь

Несмотря на декларируемый в качестве идеологии советского общества диалектический материализм, в период сталинской инверсии происходит реанимация православной идеи. Демонизации облика Сталина в литературе противоречит оценка генсека духовным писателем, отцом Дмитрием Дудко: «...если с Божеской точки зрения посмотреть на Сталина, то это в самом деле был особый человек, Богом данный, Богом хранимый Сталин сохранил Россию, показал, что она значит для всего мира... Сталин с внешней стороны атеист, но на самом деле он верующий человек... Не случайно в Русской Православной Церкви ему пропели, когда он умер, даже вечную память, так случайно не могло произойти в самое “безбожное” время. Неслучайно он учился и в Духовной семинарии, хотя и потерял там веру, но чтоб по-настоящему ее приобрести. А мы этого не понимаем... Но на самом деле все-таки, что Сталин по-отечески заботился о России...»⁸

Вопреки распространенному клише, церковное возрождение началось еще в довоенные годы и потому не являлось исключительно следствием военной катастрофы и перспективы демонтажа режима в 1941 г. Еще с середины 1930-х гг. прослеживается тенденция возвращения в епархиальные ведомства изъятых прежде из патриархии храмов. Проводится историографическая переоценка миссии христианства в пользу признания значительного вклада, внесенного православной церковью в становление древнерусской национальной культуры и в отражение внешней агрессии со стороны иноверцев. С 1935 г. «реабilitируется» табуированная прежде рождественская елка, которая, правда, став атрибутом новогоднего торжества, утрачивает прямую связь с христианской семиотикой. Посредством персонального вмешательства Сталина при разработке проекта Конституции 1936 г. были изъяты поправки к статье 124-й о запрете отправления избирательных прав служителям культа⁹.

Вероятно, не последнюю роль в изменении политики советского государства в отношении Церкви сыграли материалы

⁸ Сталин в воспоминаниях современников и документы эпохи. М.: Эксмо, 1995. С. 733–734.

⁹ Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 119–147.

всесоюзной переписи 1937 года. Вопрос о религиозной принадлежности был включен в опросные листы переписи по личной инициативе И. В. Сталина. Полученные результаты оказались настолько ошеломляющими, что опубликовать сводные статистические материалы власти так и не решились. Через два года была проведена повторная переписная акция, уже не содержащая пункта установления принадлежности человека и какой-либо религии. Важный вопрос отсутствовал и во всех последующих переписях.

Согласно полученной в 1937 г. статистике, большинство из согласившихся заполнить соответствующий пункт анкеты, самоидентифицировалось в качестве верующих — 56,7%. К ним, очевидно, следует зачислить и тех, кто на вопрос о своем отношении к религии отказался вообще от какого-либо ответа. Таковых от общего числа участвующих в переписи насчитывалось до 20%. Данная группа может быть идентифицирована в качестве скрытых верующих. Отказ от заполнения соответствующего пункта анкет, как и неучастие в переписи вообще, определялись религиозными мотивами. С одной стороны, имел место страх перед преследованием всех тех, кто признается в своей религиозности. С другой, запись в анкете в качестве неверующего означала религиозное отступничество. С призывами избежать участия в переписной акции обращались к народу религиозные деятели, представляющие различные конфессии. Перепись проводилась в самый канун Рождества 5–6 января, что послужило дополнительным источником усиления экзальтационной напряженности верующей части населения. Таким образом, по меньшей мере 76,7% советских граждан оставались к 1937 г. в числе религиозно идентифицируемых. По всей видимости, их удельный вес был еще выше, так как для многих верующих соображения личной безопасности оказались при ответе на соответствующий пункт анкеты все же достаточно весомым обстоятельством¹⁰.

Не будет, таким образом, преувеличением утверждать, что победа в Великой Отечественной войне была одержана народом, сохраняющим по преимуществу свою религиозную идентичность. Власти, надо отдать им должное, получив соответствующие статистические материалы, смогли эффективно использовать

¹⁰ Всесоюзная перепись населения. 1937 г. Краткие итоги. М.: АН СССР, 1991. 239 с. С. 106–115; Жиromская В. В. Религиозность народа в 1937 году // Исторический вестник. 2000. № 5. С. 105–114.

ресурс религиозности народа в общегосударственных целях. Неоинституционализация патриархии явилась прямым следствием такой переоценки¹¹.

С началом войны патриарх Антиохийский Александр III обратился с призывом к христианам всего мира о молитве за судьбу России. И Сталин в наиболее тяжелые дни 1941 г. собрал в Кремле духовенство для проведения молебна о даровании победы¹². В ознаменование первых успехов, весной 1942 г., после длительного запрета, власти сняли табу на празднование Пасхи. Пасхальная служба 1944 г. уже имела де-факто статус общегосударственного праздника, собрав в Москве, только на первой заутрени (в большинстве церквей было проведено несколько служб) 120 тыс. прихожан. Во время войны подвергся роспуску Союз воинствующих безбожников. Ликвидируется обновленческая церковь, именуемая не иначе как «церковный троцкизм». На проведенном под покровительством Сталина поместном соборе РПЦ восстанавливается институт патриаршества. Возобновился выпуск печатного органа церкви «Журнала Московской Патриархии», открываются богословские учебные заведения¹³.

В послевоенные годы тенденция церковной реставрации усиливается. Происходит скачкообразный рост числа приходов РПЦ от 10 544 в 1946 г. до 14 477 в 1949 г. Работа на перспективу церковного строительства выразилась в учреждении 2 духовных академий и 8 семинарий. С пасхальных торжеств 1946 г. возобновляется богослужебная практика в Троицко-Сергиевой лавре, и на повестку дня ставится вопрос о возвращении монастыря в ведение патриархии¹⁴.

К подготовленному в 1948 г. под общим руководством М. А. Суслова постановлению «О задачах антирелигиозной, атеистической пропаганды в новых условиях», в котором провозглашалась задача искоренения религии как неперемutable условие перехода от социализма к коммунизму, Сталин приме-

¹¹ Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? М.: Россия молодая, 1992. С. 174.

¹² Слово. 1990. № 11. С. 31.

¹³ Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М.: Хроника, 1994. С. 125.

¹⁴ Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917–1990. М.: Хроника, 1994. С. 149–150; Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? М.: Россия молодая, 1992. С. 202.

нил фактически санкцию вето. В послевоенные годы атеистическая пропаганда практически была сведена на нет¹⁵. Именно тогда подвергся роспуску Союз воинствующих безбожников. Пытаясь повысить статус Московской патриархии во вселенском православном движении, Сталин добивался присуждения ей вместо пятой порядковой строчки первой позиции.

Реабилитация православия не подразумевала реализацию принципа религиозного плюрализма. Православный прозелитизм сопровождался гонениями на исторических соперников Московской патриархии. В постановлении Совета по делам культов от 1948 г. проводилась, вопреки тезису об отделении церкви от государства, дифференциация религиозных направлений по степени их приемлемости для режима. К первой группе относилась лишь православная церковь, которой надлежало оказывать содействие; ко второй — армяно-григорианская, исламская и буддистская конфессии, предполагавшие терпимое отношение; к третьей — католицизм, лютеранство, иудаизм, старообрядчество, объявленные учениями, враждебными советской власти. В 1946–1949 гг. упраздняется легальное существование в СССР униатской церкви, что осуществлялось в условиях вооруженного сопротивления террористических группировок сепаратистского движения. На московском совещании глав и представителей православной церкви, состоявшемся в 1948 г. по случаю 500-летия автокефалии РПЦ, были подвергнуты осуждению экспансионизм римской курии и экуменистические тенденции развития христианства на Западе.

Семинаристское образование Сталина говорит в пользу того, что обращение его, человека, знавшего тонкости догматики и культа, к православию не являлось исключительно квази-религиозным популизмом. Еще в период апогея «штурма небес» Союзом воинствующих безбожников Сталин оценивал атеистическую литературу как антирелигиозную макулатуру. Он настаивал, чтобы агитки атеистической пропаганды были исключены из библиотеки, предназначенной для его личного пользования¹⁶.

¹⁵ Алексеев В. «Штурм небес» отменяется? М.: Россия молодая, 1992. С. 201.

¹⁶ Болдин В. И. Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М.: Республика, 1995. С. 407.